

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.3>

UDC 341.1/8
LBC 67.9

Submitted: 03.09.2021
Accepted: 23.09.2021

THE EAEU AND THE OPOP – HOW CAN THE SUPERPOWERS OF EURASIA INTERACT WITHIN THE FRAMEWORK OF INTEGRATION PROJECTS

Araz Ogtay ogly Mursaliev

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russian Federation

Introduction: Russia and China are two extremely powerful countries on the Eurasian continent. The interaction of these superpowers is fraught with risks and difficulties, especially in those conditions when both sides are pursuing their own goals. For the People's Republic of China, the basis of foreign economic policy is the OPOP project, which combines logistics, trade, and investment components. China's main goal is to promote it and create conditions for its most effective implementation in Eurasia. For Russia, the most important is a less ambitious institution – the EAEU, which serves to promote the interests of the Russian Federation in the countries closest to Russia's partners. **Purpose:** to identify the benefits and risks of interaction between the EAEU and the OPOP and offer the cooperation tools that minimize risks. **Methods:** the research is based on general scientific methods, in particular, deduction; the statistical method of linear regression and the analysis of the synergetic results of economic development are also used. **Results:** the interaction of the two projects of the Eurasian superpowers is inevitable, and therefore it is extremely important for Russia and the EAEU to properly develop a partnership with the PRC, as well as to soberly assess the existing risks. The EAEU needs the growth drivers today. Such a driver can be a partnership with the PRC and active participation in the OPOP. The proposed coupling strategy takes into account the risks of sinoization; respectively, to reduce them, it is proposed to strengthen the centripetal trends in the EAEU by the economic methods. **Conclusions:** the coupling of the EAEU and the OPOP is inevitable. It is accompanied by risks; at the same time, the risks of coupling do not outweigh its benefits. For the further development of the integration initiatives in Eurasia, it is necessary to strengthen the attractiveness of the Russian economy model for the EAEU countries.

Key words: OPOP, EAEU, integration, efficiency, Russia, China, interaction.

Citation. Mursaliev A.O. ogly. The EAEU and the OPOP – How Can the Superpowers of Eurasia Interact Within the Framework of Integration Projects. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 24-33. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.3>

УДК 341.1/8
ББК 67.9

Дата поступления статьи: 03.09.2021
Дата принятия статьи: 23.09.2021

ЕАЭС И ОПОП – КАК СУПЕРДЕРЖАВАМ ЕВРАЗИИ ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Араз Огтай оглы Мурсалиев

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
г. Москва, Российская Федерация

Введение: Россия и КНР – две исключительно мощные державы на Евразийском континенте. Взаимодействие этих суперсил сопряжено с рисками и сложностями, особенно в таких условиях, когда обе стороны преследуют свои цели. Для КНР основой внешней экономической политики является проект «Один пояс, один путь» (ОПОП), который объединяет в себе логистическую, торговую и инвестиционную составляющие.

Его продвижение и создание условий для максимально эффективной его реализации в Евразии – главная цель Китая. Для России наиболее важным является менее амбициозный институт – ЕАЭС, который служит продвижению интересов РФ в наиболее близких партнерских для неестранах. **Цель:** выявить выгоды и риски взаимодействия ЕАЭС и ОПОП и предложить инструменты сотрудничества, минимизирующие риски.

Методы: исследование основано на общенаучных методах, в частности, дедукции, также использован статистический метод линейной регрессии, и анализ синергетичности результатов экономического развития.

Результаты: взаимодействие двух проектов супердержав Евразии неизбежно, в связи с чем для России и ЕАЭС исключительно важно правильно развивать партнерство с КНР, а также трезво оценивать существующие риски. ЕАЭС сегодня нуждается в драйверах роста. Таковым может стать партнерство с КНР и активное участие в ОПОП. Предложенная стратегия сопряжения учитывает риски синоизации, а для того, чтобы их уменьшить предлагается усилить центростремительные тенденции в ЕАЭС экономическими методами.

Выводы: сопряжение ЕАЭС и ОПОП неизбежно. Оно сопровождается рисками, одновременно с этим риски сопряжения не перевешивают его выгод. Для дальнейшего развития интеграционных инициатив на территории Евразии необходимо усилить привлекательность российской модели экономики для стран ЕАЭС.

Ключевые слова: ОПОП, ЕАЭС, сопряжение, эффективность, Россия, Китай, взаимодействие.

Цитирование. Мурсалиев А. О. оглы. ЕАЭС и ОПОП – как супердержавам Евразии взаимодействовать в рамках интеграционных проектов // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 24–33. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.3>

Введение

Евразия – крупнейший континент в мире, на котором расположены значительно отличающиеся друг от друга страны, среди которых выделяются несколько региональных лидеров. В Европе такими лидерами могут считаться Германия, Великобритания и Франция (справедливости ради, в Европе есть ряд других государств, которые по своему экономическому потенциалу приближаются к названным трем), в Азии это в зависимости от региона Китай, Индия и Сингапур, в Персидском заливе – Саудовская Аравия. Россия также является региональным лидером, но, так как объединяет два региона – Европу и Азию, может считаться региональным лидером вне конкретного региона.

Китай, как уже говорилось выше, лидирует в Азии в целом [2, с. 72–82], более того, он представляет собой (как и РФ) мировую сверхдержаву. Нельзя не отметить, что если напрямую сравнивать экономические показатели КНР и РФ, то Россия будет отставать во всех сферах достаточно значительно. Тем не менее, выгодное географическое положение, стратегически сильная позиция в Евразии [8, с. 121–125], а также ряд других факторов, среди которых можно отметить военный потенциал и обилие природных ресурсов, указывают на то, что Китай не может не считаться с российскими интересами в Евразии.

Таким образом, целью статьи является разработка механизма взаимодействия между РФ и КНР, но такого, который бы устраивал обе стороны. Доказываемая авторами гипотеза исследования – КНР и РФ в условиях современной негативной внешней конъюнктуры мировых рынков являются обоюдно выгодными партнерами не только в экономическом, но и политическом аспекте.

Обзор литературы

В настоящее время, в научной литературе уделяется недостаточно внимания вопросам стратегических взаимодействий ЕАЭС и ОПОП, тогда как по отдельности эти интеграционные объединения изучаются часто. Исследователи [24, с. 293–318] дают интересный обзор современного состояния баланса сил на пространстве Евразии в контексте развития ОПОП, однако основное внимание уделяется тому, как Россия относится к китайской инициативе. В этом контексте важно понимать, что РФ, хотя и доминирующий игрок в регионе после КНР, видит в странах ЕАЭС стратегических партнеров, поэтому для нее интересы ЕАЭС исключительно важны и необходимо исследовать, не только российское, но и коллективное отношение стран Союза к проекту ОПОП. В другом труде [20, с. 81–97] внимание уделяется ключевой роли ЕАЭС как «моста» между ЕС и ОПОП, что не до конца

верно. Действительно, такая роль устраивает страны ЕАЭС и РФ, однако с учетом того, что Россия активно продвигает свои геополитические интересы в Центральной Азии, необходимо расширить предлагаемый подход и изучить влияние такой роли на сам ЕАЭС. Аналогичный подход предлагается в статье [13, с. 15–28], в которой авторы приходят к схожим выводам об ограниченности российского влияния в регионе для полномасштабного взаимодействия с основными игроками, снова упуская из виду ЕАЭС как часть проекта «Большой Евразии». Выделяется труд [1, с. 96–107], в котором российские реалии ставятся во главу угла партнерства между ЕАЭС и ОПОП. Авторы указывают на наличие синергетического эффекта от партнерства, однако в первую очередь для экономики РФ, которая сегодня переживает сложный период. Стоит отметить, однако, что партнерство с ОПОП должно быть коллективным, так как только в сотрудничестве друг с другом страны ЕАЭС могут снизить подавляющее влияние КНР на их экономику. Также существует другой подход, который, наоборот отождествляет ЕАЭС и ОПОП [1, с. 96], что в корне неверно, так как по сути эти две инициативы могут только сопрягаться в будущем, но никак не интегрироваться друг с другом. Такое разнообразие подходов к изучаемой тематике демонстрирует необходимость унификации и предложения более общего подхода, который бы в полной мере отражал интересы как ЕАЭС в целом и России в частности, так и ОПОП и его основных участников, включая КНР и РФ.

Результаты

В КНР, начиная с 2012 г., идут переговоры по созданию и развитию глобального проекта экономического характера. На его развитие Китай сподвигла необходимость экспорта своих товаров в ЕС с наименьшими издержками [18, с. 104–110]. Как разумно предположили китайские власти, при подготовленном маршруте и многочисленных ухабах по пути его следования транзакционные издержки экспорта будут ниже. Этот проект стал наследником исторического Шелкового пути, поменял несколько названий, в частности, Новый Шелковый путь, Экономический пояс Шелкового Пути, и прочие,

сегодня он известен как инициатива «Один пояс, один путь». Эта китайская инициатива направлена на продвижение интересов Поднебесной в Евразии через механизмы мягкой силы и экономического сотрудничества [16, с. 120–126].

Россия также формировала свои интеграционные механизмы, которые в процессе развития трансформировались из Евразийского экономического союза (ЕвразЭС) в Таможенный союз и приобрели свой современный вид в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Эта инициатива объединяет 5 стран Азии и Европы, обладает собственным банком развития (ЕАБР), а также представляет собой воплощение действующего интеграционного механизма с Россией в качестве аттрактора [7, с. 75–87].

Обе перечисленные инициативы существуют как ключевые стратегические инициативы их создателей, и размытие или ограничение возможностей дальнейшего их развития будет восприниматься создателями как противопоставление других сторон их внешней политике. Таким образом, помимо многочисленных сильных интеграционных организаций на просторах Евразии, к которым можно отнести ЕС, АСЕАН и ряд других, существует два интеграционных проекта различных моделей интеграции – экономический союз и мегапроект [10, с. 5–15], создатели которых сейчас ищут возможности развития устойчивых взаимоотношений, в том числе на основе приведенных выше организаций.

В рамках статьи ставится задача разработки концепции взаимодействия КНР и России в сфере партнерства между ОПОП и ЕАЭС. Эта концепция не должна противоречить основным интересам ее участников, не должна размывать проекты и должна быть экономически эффективной.

Для начала оценим экономическую эффективность ЕАЭС, так как оценить эффективность ОПОП не представляется возможным из-за неясных до сих пор точных границ инициативы и тех проектов, которые реализуются в ее рамках [14, с. 209]. Для оценки эффективности ОПОП воспользуемся инструментарием линейных моделей регрессии и сравнением результатов моделирования во временном интервале до 2025 года. Известно, что кризис 2020 г., связанный с коронавирусом, нанес большой ущерб экономикам стран мира, поэтому можно предполо-

жить, что общая тенденция развития экономик, особенно при прогнозировании ВВП, как это и сделано в этом исследовании, будет негативной. Рассмотрим рисунки 1 и 2 и определим, какой сценарий выгоднее для ЕАЭС.

В качестве экзогенных переменных в прогнозах использовался размер ВВП названных стран и временной тренд. Анализ полученных данных дает следующие результаты:

1. Общий тренд развития ЕАЭС с экономической точки зрения на ближайшие 5 лет негативный.

2. В случае партнерства с КНР прогноз более положительный, так как потери ВВП меньше.

3. Если рассматривать графики с точки зрения рисков и их анализа, то участие КНР в проекте дает гораздо лучшие результаты, поскольку в рамках этого сценария существует даже вероятность умеренного роста ВВП ЕАЭС, тогда как в случае автономного развития дисперсия вариантов меньше и все вероятности негативные, исходя из чего, математическое ожидание во втором варианте

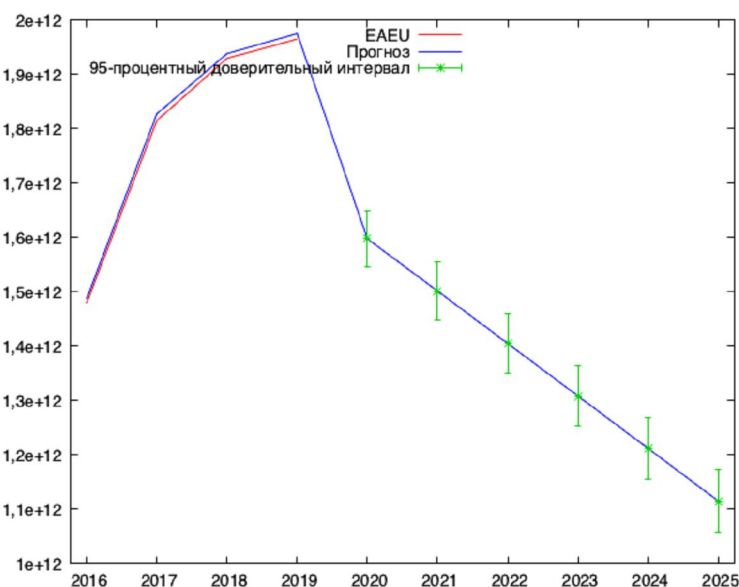

Рис. 1. Прогноз ВВП ЕАЭС при условии экзогенных переменных: ВВП России и время [23]

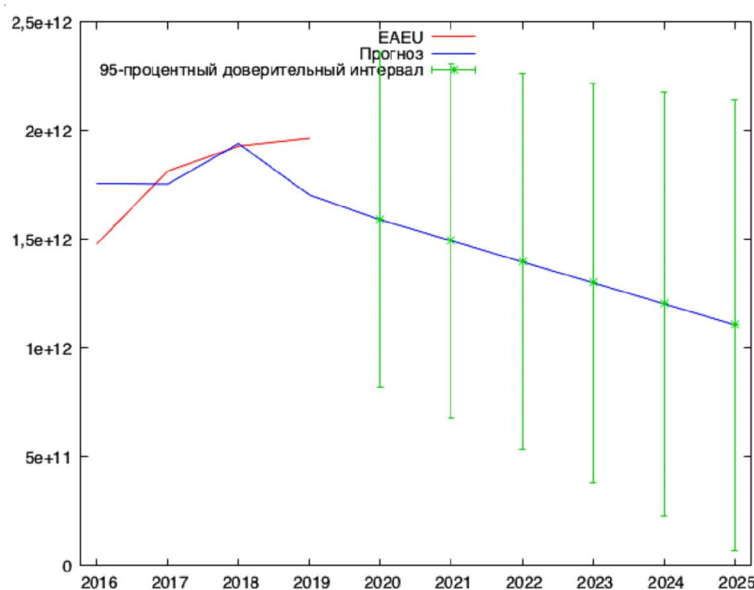

Рис. 2. Прогноз ВВП ЕАЭС при условии экзогенных переменных ВВП России, ВВП Китая и время [23]

лучше и позволяет говорить о том, что партнерство с КНР может дать новый импульс развитию ЕАЭС.

Таким образом, развитие ЕАЭС в партнерстве с КНР, то есть, в партнерстве с ОПОП дает гораздо больше возможностей для развития ЕАЭС. Этот тезис подтверждается тем, что некоторые коридоры ОПОП могут проходить по территории Союза, более того, сам ЕАЭС, а в особенности Россия, представляет собой большой рынок для китайских товаров.

С другой стороны, стоит рассмотреть вопрос о том, почему партнерство экономически выгодно для КНР и ее мегапроекта. Помимо уже названного крупного рынка сбыта товаров, РФ представляет собой экспортера углеводородов, которые необходимы китайской экономике [22, с. 24–42]. Такой экспорт позволяет китайской промышленности развиваться теми темпами, которые необходимы для поддержания «экономики велосипеда» [12, с. 558–595], как часто называют китайскую экономику.

Вторым важным моментом для развития ОПОП является возможность безопасно транспортировать товары в ЕС. Если рассматривать территорию Центральной Азии, а также Морской шелковый путь [15, с. 105–119], то наблюдается ряд проблем с обеспечением их безопасности. В центральной Азии речь идет о террористической угрозе из Афганистана и оппортунистском поведении истеблишмента самих стран региона. В связи с высоким уровнем бедности уровень преступности в странах ЦА достаточно высок,

более того, сформирован и давно существует порочный круг бедности и преступности. Транспортировка грузов по Морскому шелковому пути также вызывает ряд сложностей, среди которых угроза обострения обстановки в Южно-китайском море, угроза африканского пиратства около восточного берега Африки и ряд других сложностей, связанных с защитой китайских инвестиций в странах Африки.

Второе изменение ОПОП – инвестиционное [6, с. 11]. В этом плане проект также выгоден как ЕАЭС, так и КНР. Последняя готова инвестировать большие объемы средств для того, чтобы вывести свою промышленность на новые рынки. Наиболее выгодные инвестиции для Китая – страны с надежной экономикой и политической ситуацией. В последнее время КНР вынуждена инвестировать в африканские и центральноазиатские страны, поскольку они готовы предоставить возможности для китайских компаний, а также для развития инициативы ОПОП. Очевидно, что защищенность таких инвестиций невысокая.

Для ЕАЭС ситуация несколько иная. На сегодняшний день объем ПИИ в ЕАЭС хотя и растет, но медленнее, чем мог бы. Из-за санкций против России европейские компании не могут инвестировать в российские проекты, а Беларусь и Казахстан – два наиболее привлекательных в сфере инвестиций государства ЕАЭС, вынуждены поддерживать российскую политику контрсанкций [11, с. 1396–1414]. Рисунок 3 описывает ситуацию и прогноз инвестиций в ЕАЭС.

Рис. 3. Приток ПИИ в ЕАЭС [4]

На рисунке 3 наглядно продемонстрированы тенденции низкого притока инвестиций в страны Союза, поэтому оживление их экономик зависит от новых источников инвестиций, в частности, это может быть Китай с его большими амбициями, но и не меньшими возможностями инвестирования.

В контексте вышесказанного, можно считать, что экономически целесообразно продвигать партнерство ОПОП и ЕАЭС. В этой связи нельзя не упомянуть об основных моментах, связанных с тем, что некоторые страны сопротивляются проникновению КНР на свой рынок.

Среди доводов выделяется следующий: как только китайские компании выходят на рынок, он сразу же наполняется китайскими товарами, а в страну приезжает много китайцев для выполнения подрядных работ на эту компанию [5, с. 120–126]. Это действительно так, поскольку китайские компании преследуют цели завоевания новых рынков и используют для этого модифицированные стратегии, основанные на концепции «летающих гусей». Например, речь может идти о размывании структуры капитала крупнейших компаний страны китайским капиталом, не обязательно капиталом крупных компаний, зачастую речь идет о миноритарном владении долями в предприятии.

Вторым опасением является культурная и социальная обособленность китайских сообществ в других странах. Эта тенденция сохраняется потому, что китайская культура предлагает коллективизм как основной образ жизни, что противоречит установкам европейского общества. Эта угроза носит больше социокультурный, нежели экономический характер, но тем не менее представляет собой большую проблему для местных сообществ.

Следующей угрозой является более высокая конкурентоспособность китайских товаров за счет низких издержек на их производство и, соответственно, низкой цены. Эта закономерность справедлива и для трудовых издержек компании на найм китайских сотрудников. Помимо этого, необходимо отметить, что китайские товары и услуги по качеству не сильно уступают европейским, более того, в отдельных отраслях их качество такое же или даже выше. В этом контексте можно ут-

верждать, что рынки стран, на которые массово приходят китайские компании, действительно находятся под угрозой увеличения влияния китайского сектора.

Обсуждение

Изложенные выше угрозы предполагают, что на пути долгосрочного партнерства между КНР и РФ есть несколько препятствий, которые в общем виде можно свести к рискам неконтролируемого увеличения влияния КНР. Эти и еще ряд других угроз и опасений носят общее название синоизации, которое из чисто культурного термина стало экономическим. С учетом того, что эти же угрозы сохраняются и для стран ЕАЭС, авторы предлагают следующую стратегию партнерства с КНР и ОПОП [9, с. 17]:

1. Партнерство должно строиться на основе умышленного сохранения дистанции с китайскими институтами, которые часто гораздо мощнее евразийских, существующих в рамках ЕАЭС. Ярким примером их привлекательности может стать партнерство Казахстана с КНР в обход договоренностей ЕАЭС [3, с. 145–155]. Такой тип партнерства институтов, когда они не конвергируются, а находятся в тесной связи, не смешиваясь, называется сопряжение. И именно сопряжение как формат партнерства необходимо при развитии отношений ОПОП и ЕАЭС, равно как и РФ с КНР.

2. Чем слабее экономика страны, сотрудничающей с КНР, тем легче она подвергается синоизации. В контексте вышесказанного, развитие национальных экономик ЕАЭС становится ключевой задачей в условиях сопряжения ЕАЭС и ОПОП. Это может быть достигнуто при помощи применения ситуативных решений экономических проблем, решения ряда противоречий внутри самого ЕАЭС, усиления роли механизмов рыночного регулирования экономики, формирования единого рынка услуг и, что не менее важно, развития идеи валютного партнерства. Несмотря на то, что последнее не должно выражаться в создании условий для единой валюты ЕАЭС, торговля в национальных валютах должна стать обязательным элементом экономических взаимоотношений в Союзе.

3. Выход китайских компаний на рынок стран ЕАЭС неминуемо приведет к глубокому кризису национальных экономик, поскольку компании стран Союза неэффективны, они существуют и действуют в условиях конкуренции не менее неэффективных компаний других стран Союза. Более того, региональное развитие конкуренции достаточно слабое из-за того, что ряд крупных российских компаний удерживает монополию в нефтегадобывающей, металлургической, машиностроительной и частично в сельскохозяйственной отраслях. В этих условиях конкурентоспособные по объему производства и качеству, но более привлекательные по цене китайские товары, производимые на территории ЕАЭС и, соответственно, угрожающие ничем не защищенным из-за открытости для других стран ЕАЭС рынкам стран Союза, могут беспрепятственно завоевывать рынки. Для того, чтобы избежать этого, необходимо разработать стратегию повышения конкурентоспособности товаров ЕАЭС на мировых рынках, а также систему контроля эффективности деятельности национальных компаний в ЕАЭС, а на ее основе провести рыночные реформы по стимулированию процессов М&А на рынках стран Союза с целью повышения эффективности экономики в целом.

4. Исторически РФ была многонациональной страной и усиление той или иной национальности не было проблемой для российского общества. Тем не менее, другие страны ЕАЭС не могут ассимилировать такое количество китайцев без ущерба для своего социума и общественной жизни страны. Для того, чтобы избежать массового притока китайских мигрантов в страны ЕАЭС можно воспользоваться особыми условиями заключения контрактов на деятельность китайских компаний в ЕАЭС. Например, ограничить количество китайских сотрудников (справедливо и для компонентов, если речь идет о производстве, и для сырья – если о развитии инфраструктуры) в реализации тех или иных действий, слияний, поглощений, размещений китайских компаний на территории РФ. Также подобные ограничения можно вводить в сфере владения капиталом, но этот шаг должен сопровождаться оценкой того, насколько вообще это выгодно для китайской стороны и

не откажется ли она от проекта при таких условиях.

5. Общей рекомендацией можно назвать соблюдение баланса между интересами стран ЕАЭС и интересами КНР [21, с. 23]. В современных условиях большой разработанности экономических институтов и широких возможностей введения особых условий в контракты партнерство может осуществляться на обоюдовыгодных условиях, но только тогда, когда последствия того или иного решения правильно взвешиваются. В этой связи необходимо провести реорганизацию и кадровые перестановки в ключевых институтах российской экономики и ввести в руководство тех людей, которые ранее не были связаны с текущим руководством институтов. Также логично ввести практику ротации кадров. Это будет способствовать более четкому и менее предвзятому принятию решений и поможет снизить коррупцию в экономических институтах.

Предложенные меры носят характер индивидуальных рекомендаций, однако наибольший эффект они будут иметь при условии одновременного применения.

Выводы

Авторами доказана гипотеза о взаимной выгоды партнерства между ОПОП и ЕАЭС, как для самих интеграционных объединений, так и для ключевых стран-игроков.

Предложенная авторами стратегия демонстрирует возможность эффективного партнерства с КНР и, более того, указывает на то, что большинство рисков можно нивелировать. Тем не менее, остается один исключительно важный риск, нивелирование которого требует гораздо больших усилий – отставание экономик стран ЕАЭС от китайской экономики и несоизмеримо больший потенциал проекта ОПОП, чем ЕАЭС. Это несет риск размывания ЕАЭС многочисленными инициативами в рамках ОПОП в процессе сопряжения. Во избежание этого помимо концепции сопряжения необходимо развивать институт ЕАЭС. Для этого необходимо предпринять ряд шагов.

Во-первых, увеличить роль и влияние финансовых механизмов ЕАЭС в Евразии.

Для этого – расширить список проектов, в которых участвует Евразийский банк развития (ЕАБР) и увеличить его уставный капитал. Возможно, стоит предпринять шаги по партнерству ЕАБР и Нового банка БРИКС [19, с. 99–114].

Во-вторых, необходимо развивать партнерские связи ЕАЭС. Заключение ЗСТ, формирующих второй контур интеграции ЕАЭС – один из наиболее эффективных методов решения проблемы. Авторы рекомендуют рассмотреть возможность заключения соглашений о ЗСТ со странами АСЕАН, Бразилией и Южной Африкой.

В-третьих, эффективность деятельности Евразийской комиссии вызывает ряд вопросов [17, с. 40–49]. Необходимо провести реформу структуры организации и кадровую реформу.

Таким образом, как России, так и КНР выгоден формат партнерства институтов, через которые две супердержавы могут эффективно взаимодействовать друг с другом. Развитие этого формата приведет к появлению драйверов роста у ЕАЭС и новым возможностям реализации проекта ОПОП у КНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова, В. В. ЕАЭС и стратегические инициативы КНР в контексте российских реалий / В. В. Архипова, А. А. Пантелеев // Современная Европа. – 2020. – № 3. – С. 96–107. – DOI: <https://doi.org/10.15211/soveurope3202096107>.
2. Балкан, В. И. Лидерство Китая в Восточной Азии: путь к региональной интеграции / В. И. Балкан // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 4. – С. 72–82.
3. Беделадзе, Д. С. Торгово-экономическое сотрудничество Республики Казахстан с КНР и влияние этого на развитие интеграции в формате ЕАЭС / Д. С. Беделадзе, Д. В. Белоусов // Постсоветские исследования. – 2020. – № 2. – С. 145–155.
4. Богоявленский, В. И. Сотрудничество России и Китая в нефтегазовой сфере / В. И. Богоявленский, И. В. Богоявленский // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – № 6. – С. 24–42.
5. Давудова, К. К. Угроза китайской экспансии / К. К. Давудова, В. Н. Фадеев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 9. – С. 120–126.
6. Давыденко, Е. В. «Один пояс – Один путь» как катализатор инвестиционного сотрудничества России и Китая / Е. В. Давыденко, Т. В. Колесникова // Вестник евразийской науки. – 2018. – Т. 10, № 5. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/odin-poyas-odin-put-kak-katalizator-investitsionnogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya/viewer>. – Загл. с экрана.
7. Евразийский экономический союз во внешнеполитической стратегии России / К. П. Курyleв [и др.] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». – 2016. – № 1. – С. 75–87.
8. Жизневский, А. Н. Россия как центр силы в международном политическом пространстве / А. Н. Жизневский, Р. А. Янчуковская // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2016. – № 1. – С. 121–125.
9. Лузянин, С. Г. «Возвышение» Китая как фактор мировой политики / С. Г. Лузянин // Baikal Research Journal. – 2014. – № 5. – С. 17.
10. Лузянин, С. Г. Один пояс, один путь – политические и экономические измерения / С. Г. Лузянин, А. В. Афонасьева // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2017. – № 40. – С. 5–15.
11. Лякин, А. Н. Санкции и контрсанкции: использование политических инструментов для реализации экономических целей / А. Н. Лякин, М. И. Рогов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – № 8 (353). – С. 1396–1414.
12. Мозиас, П. М. Экономика Китая: новые тревоги / П. М. Мозиас // Общество и государство в Китае. – 2015. – № 18 (2). – С. 558–595.
13. Носов, М. ЕАЭС и ЕС в контексте китайского проекта «Один пояс – Один путь»: предварительные итоги / М. Носов // Современная Европа. – 2020. – № 6. – С. 15–28. – DOI: <https://doi.org/10.15211/SOVEUROPE620201528>.
14. Пименова, А. И. «Один пояс – Один путь» как глобальный экономический проект Китая / А. И. Пименова // Концепт. – 2020. – № 5. – С. 209–215.
15. Скамкочашвили, С. Проект Морского Шелкового пути: глобальный диалог / С. Скамкочашвили, К. Д. Кунцевич // Коммуникология. – 2019. – № 3. – С. 105–119.
16. Харитонов, А. И. «Мягкая сила» с китайской спецификой / А. И. Харитонов // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 9. – С. 120–126.
17. Худжатов, М. Б. Оценка эффективности деятельности уполномоченного экономического оператора в Евразийском экономическом союзе / М. Б. Худжатов // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2019. – № 1. – С. 40–49.

18. Чжэн, В. Внешнеторговая деятельность КНР / В. Чжэн // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 1. – С. 104–110.

19. Шелепов, А. В. Взаимодействие НБР с другими банками развития: формальные основы для будущего сотрудничества / А. В. Шелепов, И. В. Андропова // Постсоветские исследования. – 2018. – №1. – С. 99–114.

20. Chubarov, I. Challenges and Opportunities for the Spatial Development of Eurasia Under the BRI: The Case of the Eurasian Economic Union / I. Chubarov // Area Development and Policy. – 2019. – Vol. 4, iss. 1. – P. 81–97. – DOI: <https://doi.org/10.1080/23792949.2018.1527181>.

21. Czerewacz-Filipowicz, K. The Eurasian Economic Union as an Element of the Belt and Road Initiative. / K. Czerewacz-Filipowicz // Comparative Economic Research. – 2019. – Vol. 22, № 2. – P. 23–37. – DOI: <https://doi.org/10.2478/ce-2019-0010>.

22. Foreign Direct Investment, Net Inflows (BoP, Surrent US\$) // The World Bank. – Electronic text data. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD> (date of access: 03.09.2021). – Title from screen.

23. GDP (Current US\$) // The World Bank. – Electronic text data. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (date of access: 03.09.2021). – Title from screen.

24. The Silk Road Economic Belt: Balance of Interests // Y. Silin, L. Kapustina, I. Trevisan, A. Drevalov // Economic and Political Studies. – 2018. – Vol. 6, № 3. – P. 293–318. – DOI: <https://doi.org/10.1080/20954816.2018.1499072>.

REFERENCES

1. Arkhipova V.V, Panteleev A.A. EAES i strategicheskie iniciativy KNR v kontekste rossijskih realij [The EAEU and Chinese Strategic Initiatives in the Context of Russian Realities]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2020, no. 3, pp. 96-107. DOI: <https://doi.org/10.15211/soveurope3202096107>.

2. Balkan V.I. Liderstvo Kitaja v Vostochnoj Azii: put' k regional'noj integracii [China's Leadership in East Asia: A Road to Regional Integration]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2014, no. 4, pp. 72-82.

3. Bedeladze D.S., Belousova D.V. Torgovo-jekonomicheskoe sotrudnichestvo Respubliki Kazahstan s KNR i vlijanie jetogo na razvitie integracii v formate EAJeS [Trade and Economic Cooperation of the Republic of Kazakhstan with the PRC and the Impact of This on the Development of Integration in the EAEU Format]. *Postsovetskie issledovanija* [Post-Soviet Studies], 2020, no. 2, pp. 145-155.

4. Bogojavlenskij V.I., Bogojavlenskij I.V. Sotrudnichestvo Rossii i Kitaja v neftegazovoj sfere [Cooperation Between Russia and China in the Oil and Gas Sector]. *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 2019, no. 6, pp. 24-42.

5. Davudova K.K., Fadeev V.N. Ugroza kitajskoj jekspansii [Threat of Chinese Expansion]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2014, no. 9, pp. 120-126.

6. Davydenko E.V., Kolesnikova T.V. «Odin pojas – Odin put'» kak katalizator investicionnogo sotrudnichestva Rossii i Kitaja [“One Belt – One Road” As a Catalyst for Investment Cooperation Between Russia and China]. *Vestnik evrazijskoj nauki* [Bulletin of Eurasian Science], 2018, vol. 10, no. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odin-poyas-odin-put-kak-katalizator-investitsionnogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya/viewer>.

7. Kurylev K.P., Naryshkin V.S., Ozinkovskaja E., Rahimov K.H. Evrazijskij jekonomicheskij sojuz vo vneshnepoliticheskoj strategii Rossii [Eurasian Economic Union in Russia's Foreign Policy Strategy]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija «Mezhdunarodnye otnoshenija»* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series “International Relations”], 2016, no. 1, pp. 75-87.

8. Zhiznevskij A.N., Janchukovskaja R.A. Rossija kak centr sily v mezhdunarodnom politicheskom prostranstve [Russia As a Center of Power in the International Political Space]. *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 2016, no. 1, pp. 121-125.

9. Luzjanin S.G. «Vozvyshenie» Kitaja kak faktor mirovoj politiki [The “Rise” of China As a Factor of World Politics]. *Baikal Research Journal*, 2014, no. 5, p. 17.

10. Luzjanin S.G., Afonas'eva A.V. Odin pojas, odin put' – politicheskie i jekonomicheskie izmerenija [One Belt, One Road – Political and Economic Dimensions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economy], 2017, no. 40, pp. 5-15.

11. Ljakin A.N., Rogov M.I. Sankcii i kontrsanccii: ispol'zovanie politicheskikh instrumentov dlja realizacii jekonomicheskikh celej [Sanctions and Counter-Sanctions: Using Political Instruments to Realize Economic Goals]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2017, no. 8 (353), pp. 1396-1414.

12. Mozias P.M. Jekonomika Kitaja: novye trevogi [China's Economy: New Worries]. *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2015, no. 18-2, pp. 558-595.

13. Nosov M. EAES i ES v kontekste kitajskogo proekta «Odin pojas – Odin put'»: predvaritel'nye itogi [The EU and the EAEU in the Context of BRI: Preliminary Results]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2020, no. 6, pp. 15-28. DOI: <https://doi.org/10.15211/SOVEUROPE620201528>.

14. Pimenova A.I. «Odin pojas – Odin put'» kak global'nyj jekonomicheskij proekt Kitaja [“One Belt – One Road” As a Global Economic Project of China]. *Koncept* [Concept], 2020, no. 5, pp. 209-215.

15. Skamkochashvili S., Kuncевич K.D. Proekt Morskogo Shjolkovogo puti: global'nyj dialog [The Maritime Silk Road Project: Global Dialogue]. *Kommunikologija* [Communicology], 2019, no. 3, pp. 105-119.

16. Haritonov A.I. «Mjagkaja sila» s kitajskoj specifikoj [“Soft Power” with Chinese Characteristics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 9, pp. 120-126.

17. Hudzhatov M.B. Ocenka jeffektivnosti dejatel'nosti upolnomochennogo jekonomicheskogo operatora v Evrazijskom jekonomicheskom sojuze [Evaluation of the Effectiveness of the Authorized Economic Operator in the Eurasian Economic Union]. *Vestnik Moskovskogo finansovo-juridicheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University of Finance and Law], 2019, no. 1, pp. 40-49.

18. Chzhjen Vej. Vneshnetorgovaja dejatel'nost' KNR [Foreign Trade Activities of the PRC]. *Rossijskij*

vneshnejekonomicheskij vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin], 2020, no. 1, pp. 104-110.

19. Shelepov A.V., Andronova I.V. Vzaimodejstvie NBR s drugimi bankami razvitija: formal'nye osnovy dlja budushhego sotrudnichestva [Interaction of the NDB with Other Development Banks: Formal Foundations for Future Cooperation]. *Postsovetskie issledovanija* [Post-Soviet Studies], 2018, no. 1, pp. 99-114.

20. Chubarov I. Challenges and Opportunities for the Spatial Development of Eurasia Under the BRI: The Case of the Eurasian Economic Union. *Area Development and Policy*, 2019, vol. 4, iss. 1, pp. 81-97. DOI: <https://doi.org/10.1080/23792949.2018.1527181>.

21. Czerewacz-Filipowicz K. The Eurasian Economic Union As an Element of the Belt and Road Initiative. *Comparative Economic Research*, 2019, vol. 22, no. 2, pp. 23-37. DOI: <https://doi.org/10.2478/cer-2019-0010>.

22. Foreign Direct Investment, Net Inflows (BoP, Surrent US\$). *The World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD> (accessed 3 September 2021).

23. GDP (Current US\$). *The World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed 3 September 2021).

24. Silin Y., Kapustina L., Trevisan I., Drevalov A. The Silk Road Economic Belt: Balance of Interests. *Economic and Political Studies*, 2018, vol. 6, no. 3, pp. 293-318. DOI: <https://doi.org/10.1080/20954816.2018.1499072>.

Information About the Author

Araz Ogtay ogly Mursaliev, Postgraduate Student, Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, arazmursaliev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9358-7423>

Информация об авторе

Араз Огтай оглы Мурсалиев, аспирант кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, arazmursaliev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9358-7423>